

УДК 94 (470)«1960/1970»

DOI: 10.24412/2499-9911-2021-635-9

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Исторического факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия.

e-mail: popalex79@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА НА ПЯТИДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ НЕДЕЛЮ В СССР: ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И ПУБЛИЧНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ 1960-х гг.¹

Аннотация: в статье характеризуются публичные обсуждения и дискуссии, связанные с переходом в СССР на пятидневную рабочую неделю в 1960-е гг. Несмотря на то, что в целом этот процесс рассматривался как закономерный и положительный, на практике он сопровождался многочисленными сложностями, что обусловило «точечный», поэтапный, а не одномоментный характер проведения данной реформы, несмотря на централизованно-плановый характер советской системы управления и народного хозяйства.

Ключевые слова: труд, отдых, досуг, власть, общество, государственная политика, «пятидневка», Советский Союз.

Popov Aleksei Dmitrievich, PhD in History, Associate Professor Department of Russian history, Institute Tauris Academy, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia.

e-mail: popalex79@mail.ru

PROBLEM OF TRANSITION TO FIVE WORKING WEEK DAYS IN THE USSR: POWER, SOCIETY AND PUBLIC DISCUSSIONS IN THE 1960th

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-00218.

Abstract: The article describes public discussions and debates related to the transition to a five-day working week (*pyatidnevka*) in the USSR in the 1960s. Despite the fact that, in general, this process was seen as logical and positive, in practice, it was accompanied by numerous difficulties, which led to a “point”, phased, and not the simultaneous nature of this reform, despite the centrally planned nature of the Soviet system of government and the national economy.

Key words: work, rest, leisure, power, society, state policy, “five-day working week”, Soviet Union.

В последние годы в российских средствах массовой информации, социальных сетях и профильных научных изданиях достаточно активно обсуждается вопрос о перспективе перевода труда наемных работников на 4-дневную рабочую неделю. Эта идея, предпосылки для которой якобы обусловлены увеличением производительности труда и активным внедрением новых технологий, рассматривается научно-экспертным сообществом в управленческом, юридическом, социально-психологическом ракурсах [см., например: 3; 8; 14; 16]. Очевидно, что при обсуждении такой важной реформы трудового календаря, затрагивающей многие системообразующие общественные связи, полезно обратиться к опыту перехода на пятидневную рабочую неделю в СССР в 1960-е годы. В целом этот опыт можно характеризовать как успешный, однако на начальном этапе реализации он потребовал от советского руководства применения осторожной, поэтапной стратегии, сопровождавшейся достаточно активным публичным обсуждением. Во многих газетах даже появились специально посвященные этому тематические рубрики, например: «Пятидневка: опыт и проблемы».

Исторически в промышленном секторе Российской империи XIX – начала XX сформировалась и была законодательно закреплена шестидневная рабочая неделя с обязательным выходным в воскресенье, что соответствовало религиозным канонам православия. В целом эта ситуация сохранялась и в первые десятилетия советской власти, но, естественно, религиозное содержание

единственного выходного дня было нивелировано последовательной атеистической политикой. На рубеже 1920–1930-х гг. была предпринята достаточно радикальная попытка перейти к так называемой «непрерывке» с «плавающими» выходными днями (четыре рабочих дня и пятый – выходной), но от неё достаточно быстро отказались [3, с. 64]². Однако на XXIII съезде КПСС, состоявшемся 29 марта – 8 апреля 1966 г., было принято решение о необходимости перехода на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями (суббота и воскресенье), но при сохранении прежней продолжительности рабочей недели в часах (от 41 до 42 часов). В своем отчетном докладе на съезде руководитель Коммунистической партии СССР Л.И. Брежнев заявил, что учитывая «многочисленные пожелания трудящихся» и опираясь на пилотный опыт предприятий Днепропетровской, Ивановской и Пермской областей³, ЦК КПСС считает возможным перевод рабочих и служащих Советского Союза на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Он также подчеркнул, что этот шаг будет иметь большое социальное значение, так как у трудящихся появятся более широкие возможности для отдыха, воспитания детей, учебы без отрыва от производства и повышения культурно-образовательного уровня. В целом задекларированный переход на пятидневку органично вписывался в патерналистский тезис о постоянной заботе коммунистической партии о советских трудящихся, поэтому был восторженно встречен делегатами съезда. В то же время Л.И. Брежнев подчеркнул, что эта инициатива должна осуществляться постепенно, по мере готовности предприятий к работе в новом режиме [7, с. 76].

Из содержания других докладов на съезде можно сделать вывод о том, что эксперименты по переходу на пятидневку отдельных крупных предприятий

² В фундаментальной работе Эвиатара Зерубавеля (*Eviatar Zerubavel*) о социологии времени справедливо отмечается, что такие временные интервалы, как день и год, привязаны к естественным природным циклам. В то же время, такие временные интервалы, как месяц и неделя, являются искусственно сконструированными в конкретных социальных условиях. См.: Zerubavel E. *Hidden rhythms: schedules and calendars in social life*. Berkeley, 1985. P. 27.

³ Судя по публикациям того времени, активные эксперименты по переходу отдельных предприятий на пятидневку в первой половине 1960-х гг. проводились также и во многих других регионах СССР.

указанных выше регионов начались с 1958–1959 гг. и спустя несколько лет после начала их реализации оценивались как успешные и в производственном, и в социальном измерении. Естественной была и поддержка этой инициативы присутствующими здесь же представителями советских профсоюзов [7, с. 133, 264, 344, 353, 543, 620]. Каких-либо критической замечаний или высказанных сомнений в целесообразности данной новации в стенографическом отчете XXIII съезда зафиксировано не было.

Практика перехода большинства предприятий и учреждений страны на пятидневку была юридически закреплена совместным постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями» от 7 марта 1967 г. В преамбуле этого документа, помимо ссылки на решения XXIII съезда КПСС, также описывались позитивные последствия данной новации в виде «облегчения условий труда», «более рациональной организации производства», «дальнейшего роста производительности труда» [5, л. 110].

Интересно, что даже в этом постановлении речь не шла об одномоментном и всеобщем переходе на пятидневку, а предусматривался некий постепенный, «планомерный перевод», который в основном необходимо было завершить к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, то есть к ноябрю 1967 года. При этом рекомендовался одновременный переход на пятидневку всех государственных, общественных и кооперативных предприятий, расположенных на определенной территории, но при этом подчеркивалось, что в исключительных случаях, исходя из соображений целесообразности, могут использоваться и другие режимы рабочей недели. В виде такого исключения сразу же оговаривались общеобразовательные школы, высшие и средние специальные учебные заведения [5, л. 110–114]⁴, что

⁴ Однако определенные усилия были направлены на то, чтобы пятидневка была распространена хотя бы на начальный этап школьного обучения.

аргументировалось недостатком учебных помещений и нежелательностью излишнего увеличения дневной нагрузки на учащихся [21, л. 49–50].

Судя по документам аппарата ЦК КПСС, сохранившимся в Российском государственном архиве новейшей истории, на этапе подготовки этого постановления соответствующие материалы пять раз (4 июня, 27 июля, 4 августа, 7 сентября, 26 октября 1966 г.) проходили согласование с союзными министерствами, ведомствами и другими центральными учреждениями СССР, а также с органами исполнительной власти союзных республик [21, л. 48].

В дальнейшем положения о пятидневке, как основе производственного календаря, были закреплены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1967 г., фактически представлявшем собой краткую аннотацию указанного выше совместного постановления [6, л. 1–7]. Позже соответствующие нормы появились в Кодексе законов о труде РСФСР (1971) и в тексте новой Конституции СССР 1977 года [3, с. 64]. Как сообщала газета «Правда», к моменту принятия мартовских нормативных документов 1967 года о переходе на пятидневку, в таком режиме уже фактически работало около 2 миллионов трудящихся СССР [19].

Естественно, что в 1966–1968 гг. тема перехода на пятидневку была очень широко представлена в советских средствах массовой информации, ей же было посвящено большое количество брошюр научно-популярного характера [например: 4; 10; 12; 18]. Причем в публиковавшихся материалах наряду с позитивными последствиями такой новации раскрывались и её проблемные стороны.

В период проведения эксперимента по частичному переводу предприятий на пятидневку активизировались прикладные социологические исследования бюджетов времени (рабочего, внерабочего, свободного) трудящихся промышленных предприятий страны с разными режимами труда и отдыха. Исследования показали, что при равной продолжительности рабочего времени (в часах за неделю) у трудящихся, работающих в условиях шестидневки и пятидневки, у последних сокращаются недельные затраты времени дороги к

месту работы и обратно, на прием и передачу трудовой смены, на обеденный перерыв. Именно эти «сэкономленные» часы и пополняли их фонд свободного времени [см., например: 4, с. 4–6].

Современный исследователь Ю.К. Стрелков справедливо отмечает, что для сложных производственных процессов одним из ключевых условий является синхронизация деятельности разных субъектов [см.: 23, с. 87–89]. Советский опыт 1960-х гг. доказал это в полной мере. Оказалось, что при переходе на пятидневку и введению связанных с этим новых ежедневных производственных графиков необходимы изменения в работе советских органов исполнительной власти, учреждений образования и здравоохранения, предприятий питания, торговли, досуговой и туристско-рекреационной сферы, общественного транспорта и т.д. Именно это обстоятельство и учитывалось советским государственно-партийным руководством, когда в постановлении от 7 марта 1967 г. рекомендовался переход на пятидневку не по ведомственно-отраслевому, а по территориальному признаку [21, л. 49]. Наблюдался и ещё один интересный эффект – при одновременном функционировании в городе предприятий, работавших по пятидневному и шестидневному графику, происходил отток трудовых ресурсов туда, где уже была внедрена пятидневка [20, с. 59]. Переход московских предприятий на пятидневку начался лишь в июле 1967 г. и потребовал, например, увеличения продолжительности работы метрополитена, изменения графика движения не только городского транспорта, но и пригородных поездов [15].

Для значительной части столовых, кафе, ресторанов и магазинов пришлось не только увеличить продолжительность работы в вечернее время, но и принимать определенные усилия для реформатирования их под новые ритмы и форматы досуга. А это в условиях весьма специфичной системы организации советской сферы услуг и механизмов снабжения это оказалось непростой задачей. Как отмечал автор одной из статей того времени: *«Казалось бы, вовсе простое дело встретиться с друзьями и побеседовать за чашкой кофе. Но для*

этого надо иметь вечерние кафе и чтобы в меню были не только биточки, но и черный кофе» [22].

Появление второго выходного дня повысило нагрузку на учреждения культуры (Дома культуры, клубы, библиотеки, кинотеатры), потребовало увеличения выпуска спортивного и туристического инвентаря, а также сделало актуальной организацию новых баз отдыха в окрестностях крупных городов [13]. От туристско-экскурсионных учреждений потребовалась активная работа по разработке новых экскурсионных маршрутов, двухдневных поездок и походов выходного дня [22]. Налицо было позитивное действие эффекта, названного советскими социологами «концентрацией внерабочего времени» [4, с. 9, 17], что позволяло реализовывать те досугово-рекреационные сценарии, которые были невозможны при одном выходном дне в неделю.

Также социологические исследования показали, что переход на пятидневку имеет позитивное влияние на социально-психологический микроклимат советских семей – снижалась хозяйственно-бытовая нагрузка на женщин, мужчины больше времени проводили в кругу семьи и были в большей степени вовлечены в выполнение семейных обязанностей, оба родителя больше времени уделяли воспитанию детей [4, с. 15–26]. Наблюдался и социально-рекреационный эффект – увеличение времени еженедельного отдыха до двух дней способствовало более качественному физиологическому и психологическому восстановлению, результатом чего стало сокращение заболеваемости, снижение производственного травматизма [10, с. 32–33].

Переход на пятидневку был важен ещё и тем, что показал значимость для населения различных социальных и бытовых услуг, а также продемонстрировал, что предоставление этих услуг имеет определенную специфику и зачастую является даже более важным, чем индустриально-производственные вопросы. Так, во второй половине 1967 года в советскую прессу стали массово поступать письма-обращения трудящихся, жаловавшихся на то, что переход на двухдневный выходной в субботу и воскресенье таких

объектов, как поликлиники, магазины, ателье бытового обслуживания создает массу неудобств для населения [см., например: 9].

Ряд предприятий, которые в рамках экспериментов первой половины 1960-х гг. попробовали перейти на пятидневку (например, Киевская трикотажная фабрика, Мелитопольский моторный завод, Юго-Камский машиностроительный завод), спустя некоторое время вернулись к шестидневке, однако такие случаи все же не были типичными. В целом опыт показал, что наибольшие проблемы переходного периода возникают на предприятиях, работавших в две и, особенно, в три смены. Как отмечали авторы брошюры *«Рабочая пятидневка»: «Оказывая в целом положительное влияние на экономику, пятидневка предъявляет повышенные требования к организации производства и труда, во многих случаях усложняет управление предприятием»* [12, с. 26].

На части предприятий, особенно работающих в несколько смен, с определенным интервалом проводились т.н. «отработочные субботы», призванные компенсировать несколько ежедневных минут, «недоработанных» с точки зрения законодательно установленной недельной продолжительности рабочего времени [12, с. 29–31]. Ведь возникала определенная коллизия, связанная с тем, что по советскому законодательству того времени продолжительность рабочего дня не должна была превышать 8 часов, тогда как нормативная продолжительность рабочей недели составляла 41–42 часа. В советском разговорном языке такие субботы получили название «черных суббот» [11, с. 379–380]. Однако это не было повсеместной практикой, так как могли использоваться другие стратегии выравнивания баланса отработанного времени, например, за счет сокращения времени обеденного перерыва. Решение по данному вопросу принималось руководством предприятия. Стратегия сокращения ежедневного обеденного перерыва также имела свои риски, в частности увеличивала нагрузку на столовые учреждений и предприятий, где можно было теперь наблюдать такие ситуации: *«Обеденный перерыв...*

Начинаются “гонки” за пищей. В тесной столовой очередь. Многие рабочие так и не успевают пообедать» [1].

Переход на преимущественно пятидневную рабочую неделю в СССР во второй половине 1960-х гг. представляет собой интересный пример важной в экономическом и социальном отношении реформы, которая в отличие от многих других советских преобразований не носила форсированный, авральный, волюнтаристский характер, а осуществлялась достаточно плавно и постепенно. Однако упомянутый выше эффект синхронизации приводил к тому, что именно эта плавность перехода сама по себе могла порождать определенные дополнительные проблемы, преодолеть которые можно было именно сделав процесс более интенсивным и всеохватывающим, что и произошло в 1967 году.

Из перспективы «сверху» введение пятидневной рабочей недели прекрасно вписывалось в неизменный на протяжении всего советского периода патерналистский дискурс о постоянной заботе власти о благе трудящихся [18, с. 3]. Но конкретно для Л.И. Брежнева это также являлось одним из проектов по окончательной легитимизации и упрочнению политической власти, а кроме того, выступало одним из пунктов его т.н. «малой сделки» (*Little Deal*) с советским народом⁵. При этом на официальном уровне все ещё продолжал воспроизводиться дискурс о том, что *«Партии и государству безразлично, как используется трудящимися свободное время. Создавая все условия для культурного отдыха, пополнения знаний, удовлетворения социальных и интеллектуальных потребностей трудящихся, партия и государство борются с бесцельным времяпровождением, азартными играми, злоупотреблением алкоголем, бездельем...»* [18, с. 5]. И в этом контексте заметно стремление многих советских авторов, пишущих о пятидневке, доказать, что она волшебным образом не просто увеличивает свободное время, но и способствует его рациональному проведению, например, снижает уровень бытового

⁵ Подробнее о концепции «малой сделки» см.: Millar J.R. The Little Deal: Brezhnev's contribution to acquisitive socialism // *Slavic Review*. 1985. № 4. P. 694–706.

алкоголизма (хотя аргументация таких тезисов не выглядит логически бесспорной) [см., например: 4, с. 24–25].

Но из перспективы «снизу» переход на пятидневку имел несколько неожиданных для представителей власти эффектов. Главный из них заключался в том, что увеличение продолжительности выходных дней, в целом увеличив нагрузку на общественную культурную, спортивную, досугово-рекреационную инфраструктуру, все же способствовало усилению «автономизации» позднесоветского субъекта. Теперь он более продолжительное время находился в отрыве от трудового коллектива, в кругу семьи и близких друзей. Ни так называемые «черные субботы», ни получающие всё большее и большее распространение субботники [подробнее о советских субботниках см.: 17; 24] уже не имели такой мобилизующей силы, как шестидневный производственный цикл с единственным выходным. Несмотря на то, что и после 1967 года граждане СССР в выходные дни зачастую продолжали принимать участие в добровольно-принудительных общественных работах, выполнять задания в рамках политической учебы или посещать какие-то идеологические мероприятия, люди позднесоветской эпохи все же стали воспринимать субботу и воскресенье как «личное», а не «публичное» время [подробнее об этих темпоральных категориях см.: 26, р. 138–147] со всеми вытекающими отсюда последствиями. Очень образно, но точно, эта модель нового восприятия передается в сатирическом стихотворении «Два выходных», опубликованном на страницах газеты «Известия» осенью 1967 года:

*Труд и отдых дополняют
Гармонически друг друга:
Пятидневка – для работы,
И двухдневна – для досуга!
Вдвое больше книг читаю,
В мяч играю вдвое чаще.
Собираю два лукошка
Подберезовиков в чаще.*

*Пусть две серии в картине –
Посмотреть без напряженья
Можно первую – в субботу,
А вторую – в воскресенье [2]⁶.*

Если в более ранние советские периоды единственным выходной день в неделю рассматривался как некая функциональная необходимость в рамках производственного процесса (по аналогии с временной остановкой для профилактического обслуживания станков и других механизмов), то теперь двухдневные выходные воспринимались как самоценное время, предназначенное для разных форматов досуга и удовлетворения частных интересов. Однако проявления этой тенденции в жизни советского общества 1970–1980-х гг., на наш взгляд, требуют отдельного рассмотрения.

Список источников и литературы:

1. Бирюков В., Буньков С. Сфера забот человеческих // Известия. 1967. 16 января.
2. Владимов М. Два выходных // Известия. 1967. 7 октября.
3. Гавриш И.В. О полном переходе к пятидневной рабочей неделе с двумя следующими подряд выходными днями // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 3. С. 62–75.
4. Гордон Л., Левин Б. Пятидневка: культура и быт. М.: Профиздат, 1967. 79 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 807.
6. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 101. Д. 896.

⁶ На уровне советской популярной культуры эта тенденция, спустя два десятилетия, будет прекрасно отражена в песне исполнителя Игоря Скляра «Суббота есть суббота» (1987): «Суббота есть суббота, / Бегу от всех забот, / Суббота есть суббота, / И никаких хлопот. / Суббота есть суббота, / И я чего-то жду, / И не спеша по городу вечернему иду».

7. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апреля 1966 г. Стенографический отчет. В 2-х тт. Т. 1. М.: Политиздат, 1966. 640 с.
8. Дьяченко В.Е., Воронкова О.В. Четырехдневная рабочая неделя: экономические последствия перехода // Интеграция науки и производства. 2019. № 6. С. 44–47.
9. Забота о людях превыше всего // Правда. 1967. 17 декабря.
10. Зархин М.М., Малкевич А.И. Пятидневка – прогрессивная форма организации труда. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967. 86 с.
11. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 442 с.
12. Малашин С.Д., Новиков А.В. Рабочая пятидневка. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1971. 73 с.
13. Мерило богатства. Заметки с пленума ВЦСПС // Известия. 1967. 29 марта.
14. Михайлова З.А. Реформирование института рабочего времени в трудовом праве РФ, или так ли хороша четырехдневная рабочая неделя? // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 322–327.
15. Москва переходит на пятидневку // Правда. 1967. 19 июля.
16. Оденцов С.В., Курлышев А.О. Четырехдневная рабочая неделя в России – актуальные проблемы и дальнейшие перспективы // Закон и право. 2021. № 3. С. 186–189.
17. Пискунов М.О., Раков Т.Н. Коммунистический труд? Субботник между позднесоветским ритуалом и экологической практикой // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6. С. 113–120.
18. Пятидневка, ее выгоды, ее проблемы / Н. Воронин, А. Тюриков, В. Пронин и др. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1967. 54 с.
19. Рабочая пятидневка // Правда. 1967. 19 марта.
20. Рабочая пятидневка и человек // Коммунист. 1967. № 5. С. 58–74.

21. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 68. Д. 399.
22. Созыкин А. Новый ритм жизни // Известия. 1967. 14 августа.
23. Стрелков Ю.К. Темпоральность трудовой деятельности // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 87–91.
24. Golechkova O., Chagadaeva O. Subbotniks: from the great to the meaningless (the evolution of the soviet labor phenomenon) // Labor History. 2021. Vol. 62, № 2. P. 148–165.
25. Millar J.R. The Little Deal: Brezhnev's contribution to acquisitive socialism // Slavic Review. 1985. № 4. P. 694–706.
26. Zerubavel E. Hidden rhythms: schedules and calendars in social life. Berkeley: First California Paperback Edition, 1985. XIX, 201 p.